

Ф. И. Булгаков

**Из переписки Марии-
Каролины и леди
Гамильтон**

Федор Ильич Булгаков

Из переписки Марии- Каролины и леди Гамильтон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18622880

Аннотация

Более чем сомнительное прошлое леди Гамильтон. – Политические планы Марии-Каролины. – Дружба королевы с леди из расчетов политики. – Союз Неаполитанского королевства с Англией. – Посвящение леди в государственные тайны Неаполитанского короля. – Заслуги леди Гамильтон в глазах Нельсона. – Бегство королевской семьи в Палермо и помощь ему от леди Гамильтон. – О «бесчеловечности» Марии-Каролины. – Удаление супругов Гамильтон из Неаполя и отчаяние королевы. – Конец дружбы Марии-Каролины и леди Гамильтон.

Содержание

1	4
2	8
3	10
4	14
5	17
6	21

Ф. И. Булгаков

Из переписки

Марии-Каролины

и леди Гамильтон

1

С характером королевы Неаполитанской Марии-Каролины, гордой дочери австрийской императрицы Марии-Терезы, читатели «Вестника» отчасти ознакомлены по этюду нашему «Королева Мария-Амелия и Луи-Филипп»¹. Там мы видели ее в роли заботливой матери и сестры, удрученной ужасным жребием несчастной королевы Франции Марии-Антуанетты. Несколько новейших изданий² дают возможность судить о политической роли Марии-Каролины, как фактической правительницы Неаполитанского королевства, ибо супруг её, король Фердинанд, предпочитал делам правления прелести охоты и кулинарного искусства. В этом её положении, наиболее интересным и примечательным эпи-

---

¹ См. «Вестн. Ин. Лит.», июль, 1892, стр. 255–278.

² «La reine Marie-Caroline de Naples» Ганьера; «The queen of Naples and Lord Nelson» Джефресона и его же «Lady Hamilton and Lord Nelson».

зодом, имеющим историческое значение, была дружба королевы с леди Эммой Гамильтон, женою английского посланника в Неаполе, сэра Виллиама Гамильтон (с сентября 1791 года). Иные историки укоряют Марию-Каролину этой дружбой с Эммой, которой прошлое было более чем сомнительно.

И действительно, эта дочь горничной и неведомого отца начала свою карьеру искательницы приключений бонной, потом состояла в услужении у одной английской дамы, от неё научилась наряжаться к лицу и попала горничной в отель, позировала художникам для нагих античных богинь, кружила головы разным лондонским франтам, разорила нескольких из них и, наконец, пленила и сделалась женой старика Гамильтона, выкупившего её у своего промотавшегося племянника Тревилля. В Англии эту леди не допустили ко двору Георга III. А при Неаполитанском дворе ей был оказан необыкновенно любезный прием. Мотивом послужил тут чисто политический расчет.

Мария-Каролина не без основания опасалась, что бури революции, сокрушившие трон её зятя Людовика XVI и сестры Марии-Антуанетты, могли поколебать и её собственный трон Неаполя и Сицилии. Тогда же прозорливая королева поняла, что её сильным союзником в минуты опасности может быть Великобритания. В этих расчетах она и завязала дружбу с английским посольством. Но как же тут обойтись без содействия леди Гамильтон, имевшей на своего преста-

релого супруга влияние, не меньшее чем какое сама королева имела на Фердинанда? К тому же личность леди очаровала неаполитанскую аристократию. И королева искала сообщества леди Гамильтон. Последняя ежедневно бывала во дворце.

Отличительную особенность Марии-Каролины составляла её страсть в многописанию. Этим, вероятно, объясняется и такое обилие писем, получавшихся от неё английской леди, несмотря на их частые свидания. Через несколько месяцев, после казни Людовика XVI (7 февраля 1793 г.), Мария-Каролина тайным договором с Англией, обязалась доставлять своей сопернице военные корабли и войска, для борьбы с французской республикой. Знаменитому морскому герою Англии, Нельсону, который тогда еще был только неведомым капитаном, и после сдачи Тулона (20 августа 1793 г.), отправился с известием об этом в Неаполь, на военном корабле «Агамемнон», и с просьбой об отправке неаполитанских войск, для удержания Тулона, королева устроила торжественную встречу. Нельсон плохо знал французский язык, а королева не больше его – английский. И в данном случае не обошлось дело без помощи леди Гамильтон. Из уст леди, которая, как не безызвестно, сделавшись любовницей Нельсона, впоследствии сумела превратить его из строгого пуританина в сибарита, и тем запятнать его славу, будущий морской герой услышал, что единственная надежда королевы Неаполитанской на безопасность Европы опирается

на английский флот. Мария-Каролина питала твердую уверенность, что британские матросы отомстят за смерть её зятя, возвратят свободу её сестре, а дофиню, её племяннику, — престол Бурбонов его предков.

Но эти надежды королевы даже Нельсон не мог оправдать. Через несколько месяцев до Неаполя дошла весть о казни Марии-Антуанетты, и с того дня в сердце Марии-Каролины возгорелась беспредельная ненависть против французских республиканцев. Эта неутолимая жажда мести может служить ключом к разъяснению её отношений к леди Гамильтон, в лице которой нашла она орудие для удовлетворения своих сокровенных желаний.

2

Изо дня в день королева осыпала леди все новыми милостями, в письмах прося ее верить в «искреннюю вечную дружбу» королевы. Мария-Каролина не скрывала от неё даже государственных тайн.

29 апреля 1795 года королева писала леди Гамильтон: «Дорогая миледи! Я совсем потеряла голову, душа моя потрясена до такой степени, что я не знаю, что мне делать. Надеюсь видеть вас завтра около десяти часов. Посылаю вам зашифрованное письмо, доставленное из Испании и которое вы должны вернуть мне не позже, как в течении двадцати четырех часов, чтобы король мог найти его на прежнем месте. В письме имеются известия, содержание которых представляет большой интерес для британского правительства. Очень рада возможности, – в знак моей преданности, – познакомить вас с ними и в то же время дать доказательство моего доверия достопочтенному кавалеру (разумею, конечно, сэра Вильяма Гамильтона). Прошу его только не выдать меня».

Для английского правительства, действительно, важно было узнать содержание этого письма, так как автором его был испанский король, который писал к брату своему, неаполитанскому королю, сообщая ему, что, вследствие политических условий, Испания оказывается вынужденною по воз-

возможности скорее заключить мир с французской республикой.

Через посредство той же леди Гамильтон английское правительство было посвящено в содержание второго письма, написанного Карлом IV брату своему в августе 1795 года и извещавшего его о том, что в интересах своей страны он вступил с Францией в мирные переговоры. А в сентябре следующего года правительственные центры в Лондоне узнали тем же путем и более заблаговременно, нежели обыкновенно они могли это узнавать, – о том, что Испания вошла в союз с Францией против коалиционных монархий.

Таким образом отношения королевы неаполитанской к леди Гамильтон приняли политический характер. Немного лет спустя им удалось еще серьезнее содействовать друг другу в том же смысле.

3

Вечером накануне Трафальгарского сражения, мучимый предчувствием смерти, Нельсон сделал приписку к своему завещанию, выраженную в следующих словах: «Эмма Гамильтон, вдова сэра Вильяма Гамильтона, как мне известно, оказала нашему королю и нашей родине величайшие услуги: во-первых, тем, что она сумела заполучить в свои руки письмо, написанное испанским королем в 1796 году к своему брату, королю неаполитанскому, которому он сообщал о своем намерении объявить Англии войну. Получив известие об этом письме, министерство послало сэру Джону Джервайсу приказ при первом случае напасть на арсеналы и испанский флот. Правда, не случилось ни того, ни другого, – но леди Гамильтон в этом неповинна. Во-вторых, никогда флот, состоявший под моей командой, не мог бы вторично вернуться в Египет, если бы тут не помогло влияние леди на королеву неаполитанскую, в силу которого сиракузскому губернатору послан был приказ сделать все возможное с его стороны, чтобы помочь английскому флоту в деле снабжения его провиантом, в случае, если бы он с этой целью зашел в Сицилийскую гавань. И вот мы вошли в Сиракузскую гавань, получили необходимые запасы, вернулись в Египет и разбили французский флот. Если бы я был в состоянии вознаградить эти услуги, то я не обращался бы те-

перь к своей родине, но так как это было не в моей власти, то я и прошу короля и мою родину достойно обеспечить Эмму Гамильтон».

В октябре 1796 года, вследствие успешных военных действий французов на севере Италии, Король обеих Сицилий оказался вынужденным заключить с республикой договор, в силу которого он обязался дать разрешение одновременно войти в одну из своих гаваней, в крайнем случае, четырем военным судам одной из союзных против Франции держав. В середине поля 1798 г. тщетно прогонявшись за французской эскадрой у египетских и малоазийских берегов, Нельсон вернулся со своим флотом в сицилийские воды. Но, для возобновления своей погони, ему необходимо было прежде всего пополнить почти иссякшие его запасы. Если бы с этой целью он направился в Гибралтар, в таком случае неприятельскому флоту удалось бы спастись от него. Вот почему для него было необходимо, чтобы неаполитанское правительство, несмотря на договор свой с Францией, дало ему разрешение запастись провиантом и водой в одной из неаполитанских гаваней. Со стороны Фердинанда и министра его лорда Актона английский адмирал, по-видимому, не встретил благоприятного ответа на свою просьбу, так как они могли опасаться роковых последствий за нарушение своих обязательств. Тем менее успеха имела эта просьба, обращенная к королеве, что, впрочем, вполне понятно, если взвесить характер этой претензии. Потому естественно в данном

случае приписать исключительное значение вышеупомянутому влиянию леди Гамильтон на королеву. Твердо установлен факт, что Мария-Каролина в то время также под влиянием ходатайства леди добилась для Нельсона права заходить в любую из сицилийских гаваней с помянутой целью. Следует прибавить, что королева послала сиракузскому губернатору распоряжение, которым он обязывался не только не препятствовать английскому адмиралу, но даже всеми силами способствовать снабжению его провиантом.

Когда в первых числах сентября 1798 года до Неаполя донеслась весть о блестящей победе Нельсона при Абукире, Мария-Каролина написала леди Гамильтон следующее письмо: «Я ожила и обнимаю детей моих и моего супруга. Это известие дало мне жизнь. Я невыразимо была взволнована им. Какая храбрость! Какое мужество! Больше всего хотелось бы мне обнять вас. Я с ума сошла от радости». Когда же сам победитель 22 сентября вошел в неаполитанскую бухту на своем флагманском корабле «Vanguard», причем двор и население приветствовали его с почестями, – королева и леди соперничали друг с другом в изъявлениях радости герою.

Однако ликование это в конце концов смолкло при звуках оружия. Мария-Каролина хотела воспользоваться отсутствием Бонапарта, чтобы изгнать французов из Церковной Области и таким образом дать папе возможность вернуться в Ватикан. Преимущественно благодаря её стараниям, неаполитанское войско было усилено на семьдесят тысяч чело-

век. Чтобы воодушевить к делу молодых рекрутов, она часто появлялась среди их в лагере Сан-Жермано, где формировалась большая часть новобранцев. Часто проезжала она по рядам солдат в военной форме, и леди Гамильтон всегда находилась рядом с нею. Нельсон также несколько раз появлялся в лагере в свите королевы, хотя и не разделял всеобщей самоуверенности в победе. Главнокомандующий, австрийский генерал Мак, не внушал ему ни уважения, ни доверия. И действительно, надежды королевы на победу разбились об его неспособность, когда в четырнадцатидневном походе, несмотря на численное свое превосходство, неаполитанские войска с позором были разбиты французскими ветеранами.

Республиканская партия в Неаполе смело подняла свою голову и решилась на восстание в столице. Яснее, чем когда либо, представляя себе судьбу сестры своей Марии-Антуанетты и её семейства, – Мария-Каролина вполне основательно опасалась, чтобы и ее с семьей не постигла такая же участь. И вот, она составила план бегства в Палермо, который надеялась привести в исполнение при помощи английского адмирала. Правда, супруг её дал на то свое согласие только тогда, когда удостоверился, что может унести с собой свои сокровища. Во время приготовлений к выполнению этого плана бегства оказалась весьма полезной благодарная преданность леди Гамильтон королеве. Она не только приняла на себя посредничество в переговорах между двором и Неаполем, но также облегчила переправу королевских сокровищ, представлявших одним чеканенным и нечеканенным золотом ценность в 25 миллионов рублей, на английские военные корабли, устроив прежде всего так, чтобы сокровища эти были перенесены в английское посольство. И потому можно сказать, что адмирал Нельсон едва-ли преувеличивал заслуги своей приятельницы по отношению к Марии-Каролине и её семейству в данном случае, когда 28 декабря 1798 года писал лорду Сен-Винцент, главнокомандующему английской эскадрой в Средиземном мо-

ре: «Всю корреспонденцию по этому поводу крайне искусно вела леди Гамильтон с королевой. Что касается сэра Вильяма Гамильтона и меня, то с нашей стороны было бы неразумно показываться при дворе, так как мы знали, что за всеми нашими действиями следят и что якобинцы имели даже намерение захватить нас, в качестве заложников, в виду возможного нападения на Неаполь, в случае, если французы захватят город в свои руки». «Леди Гамильтон была словно ангел, ниспосланный с неба для поддержания королевского семейства», – писал он в другом официальном донесении того времени.

Для бегства была назначена ночь с 21 на 22 декабря 1798 года. Чтобы не возбудить подозрения своим отсутствием, леди должна была еще в тот же вечер принимать участие в одном празднестве, устраивавшемся чрезвычайным турецким посланником, прибывшим в Неаполь от имени султана для принесения поздравлений Нельсону; но во время самого разгара празднества она вдруг исчезла. Предусмотрительно оставила она у дверей свою карету и пешком отправилась во дворец, где ее ожидали с большим нетерпением. Отсюда провела она королевскую семью через подземный ход к месту бухты, где Нельсон поджидал беглецов с несколькими небольшими лодками, благополучно доставившими их на флагманский корабль.

Однако, флот, на который укрылись около двух тысяч именитых неаполитанцев, был задержан неблагоприятным

ветром в бухте на целых два дня. Когда же, наконец, они вышли в море, – за Капри над ними разразилась буря. В каюте Нельсона разыгрывались сцены бурного смертельного страха. Между тем как король Фердинанд, полагавший, что для него настал последний час, – делал горчайшие упреки своей жене за то, что она честолюбием своим поставила его в такое положение и вслед затем возносил с небу пламеннейшие молитвы о своем спасении, – Мария-Каролина также не могла скрыть, что и её обыкновенно столь стойкое сердце в данный момент осилено бедой. Одна только леди Гамильтон не потеряла присутствия духа и в самозабвенной заботе о безопасности королевской семьи, казалось, забыла о собственной своей жизни. Уложив и успокоив ласкою юных принцев и принцесс, она с такой радостной самозабвенной преданностью отдалась заботе о царственной своей подруге, что Нельсон, – признавший, однако, ту бурю за страшнейшую из тех, какие ему когда-либо приходилось переживать, – имел право написать лорду Сен-Винценту: «Не могу вам выразить, с какой трогательной сердечностью и жгучим сочувствием заботилась супруга нашего посланника о королевских горемыках, утешать которых она была призвана. Никакая раба не могла бы ревностнее служить им». Не успела еще улечься буря, как младший принц скончался на руках леди Гамильтон. Остальные же беглецы благополучно достигли палермской гавани.

Через четыре недели после бегства королевской семьи французский генерал Шампионе с победоносным войском вступил в Неаполь, и здесь была провозглашена Партенонейская республика. Однако, она продержалась недолго. Республиканские «братья» так основательно грабили город, что по их удалении доморощенные якобинцы не могли отстоять себя против черни, которая предпочитала этой «свободе» «деспотизм» короля Фердинанда. Но еще раньше, чем республиканская партия была побеждена окончательно с помощью английской эскадры, между Марией-Каролиной и леди Гамильтон, вернувшейся в Неаполь на корабле Нельсона, завязалась переписка. Эта переписка с разных сторон вызвала укоры королеве в непомерном жестокосердии. 26 июня 1799 года королева писала леди Гамильтон:

«Дорогая моя миледи, убедите милорда Нельсона так обращаться с Неаполем, как бы это был какой-нибудь возмутившийся город Ирландии. Нечего обращать внимания на количество. На тысячи преступников будет меньше и это только ослабит Францию, и нам будет лучше». Это, конечно, нечеловечно. Но факты показывают, что та-же самая королева, «бесчеловечная», как ее называют иные, просила леди повлиять на Нельсона, в пользу помилования тех неаполитанцев, которых, как инсургентов, жестоко осудил Ферди-

нанд, находясь в неаполитанской бухте на английском корабле «Foudroyant». Мария-Каролина тогда же рассылала большие суммы денег для раздачи бедным Неаполя. В дневнике англичанки Корнелии Кнайт, долгое время жившей в непосредственной близости к леди Гамильтон, значится: «Королева, которую обвиняли в такой мстительной жестокости, по моим достоверным сведениям, была причиной многих помилований. В числе прочих она спасла одну даму, которая была заведомо ярым её врагом и находилась во главе одного революционного союза».

После подавления восстания, король, Нельсон, сэр Вильям Гамильтон и его супруга вернулись обратно в Палермо, где Мария-Каролина, при выходе их на берег, обняла леди Гамильтон среди ликовавшей толпы и надела подружке своей на шею золотую цепь, на которой был прикреплен её портрет, усыпанный бриллиантами. Драгоценные камни здесь составляли слова: «Eterna gratitudine». (В знак вечной благодарности). А на другой день она послала ей два воза самых дорогих материй на платья. Стоимость подарков, сделанных ею английской своей приятельнице, говорят, превышает сумму в 50.000 рублей.

Но для Марии-Каролины слишком скоро вслед за радостным восторгом наступило разочарование. В апреле 1800 года сэр Вильям Гамильтон, роль которого, равно как и роль Нельсона, в неаполитанской драме в высшей степени взволновали общественное мнение в Англии, был отозван от сво-

его посланнического поста в Неаполе, и из писем королевы в леди Гамильтон по этому поводу ясно видно, что вслед затем она узнала о неприятном значении того инцидента для дальнейших судеб Неаполя.

Она чувствовала, что таким образом, не только, по всей вероятности, навсегда расставалась с своей «дорогой миледи», но вместе с тем лишалась возможности через посредство её самой и её мужа иметь прежнее влияние на государственные дела.

В груди этой дочери Марии-Терезии преобладающей страстью было властолюбие и потому становится вполне понятным её письмо к леди, написанное под свежим впечатлением объяснения её с королем по поводу отозвания сэра Вильяма. Она писала: «Я безмерно огорчена. Мне остаются только два исхода: или уехать из Неаполя, или умереть с горя, но это крайне мучительная смерть. Если вы уедете весной, оставив меня в настоящем моем положении, то, даже при условии возвращения вашего в ноябре, из вашей дружбы ко мне, – вы не застанете уже меня в живых. Словом сказать, все огорчает меня и наводит на меня тоску, но я до гроба останусь вашим искренним и благодарным другом».

Мария-Каролина была достаточно рассудительна, чтобы избрать для себя первый из двух исходов. Желая продолжительным своим отсутствием заставить своего супруга убедиться в необходимости её советов, она решила отправиться в Вену на более долгий срок. Воспользовавшись сно-

ва покровительством Нельсона для переправы в Ливорно, она прибыла туда в начале июня 1800 года в сопровождении Гамильтонов и вместе с ними и английским адмиралом двинулась в дальнейший путь.

6

Вскоре, однако, для королевы и её приятельницы пробил час разлуки, после которой не суждено им было более свидеться. 23-го сентября обнялись они в последний раз в австрийской столице. В тот же день писала Мария-Каролина леди Гамильтон следующие прощальные строки: «Дорогая моя миледи и любезный друг! Я до слез растрогана нашим прощаньем и вашей преданностью, какую вы мне доказывали столько раз и не дальше еще как сегодня утром. Да благословит вас небо и да ниспошлет вам оно счастья, как того желает мое сердце! Дал бы Бог мне утешение поскорее снова видеть вас в Неаполе!

Повторяю вам то, что уже столько раз говорила. Всегда, везде, при всяких условиях Эмма, дорогая Эмма останется моим другом и сестрой. рассчитывайте на это и примите еще раз мою благодарность за все, что вы для меня сделали и за искреннюю дружбу, какую вы мне оказывали... Прощайте! Да ниспошлет вам Бог все то, чего желает вам любовно преданное вам сердце вашего друга, питающего к вам чувства матери».

Но конец дружбы между королевой Неаполитанской и леди Гамильтон не согласовался с их взаимными уверениями в неизменной верности при прощании. В течение следующего года они обменялись еще несколькими письмами. За-

тем корреспонденция вдруг прекратилась по одному неприятному поводу. В апреле 1803 года скончался сэр Вильям Гамильтон. По оставленному завещанию супруга его оказалась не на столько обеспеченной, как того ожидали Нельсон и она сама. При этом Нельсон неоднократно писал б Марии-Каролине, стараясь намеками навести ее на мысль об удовлетворении старого её друга в тяжком её разочаровании. Но королева сделала вид, как будто не поняла этих намеков, что и ставится ей в вину именно теми, которые во всех её поступках хотят видеть одно бессердечие. Она хорошо знала, что сэр Вильям вполне достаточно обеспечил свою супругу и что ожидавшаяся от неё помощь должна была послужить исключительно на удовлетворение страсти леди к мотовству. Но во имя собственной репутации королевы было бы желательнее, чтобы она не наносила такого разочарования леди Гамильтон, которая отомстила за себя тем, что распространила в Лондоне про королеву ужаснейшую клевету. После гибели Нельсона в битве при Трафальгаре она пустила слух, будто бы приемная дочь его Горация, которую в действительности леди сама подарила Нельсона, происходила от матери, поставленной слишком высоко, чтобы имя её могло быть произнесено во всеуслышание. Конечно, никто не сомневался в том, что в данном случае разумелась королева Неаполитанская.

15-го января 1815 года умерла в крайней бедности леди Гамильтон в Кале, куда она бежала от преследований сво-

их кредиторов. Несколькими месяцами раньше скончалась и Мария-Каролина.

Ф. Булгаков

«Вестник иностранной литературы», № 1, 1893